

Кучукова Ж. М.

Kuchukova Zh. M.

АНТИРЕВОЛЮЦИЯ КАК ФЕНОМЕН ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ
СОЦИАЛЬНОСТИANTI-REVOLUTION AS A PHENOMENON OF POST-NON-CLASSICAL
SOCIALITY

В статье рассматривается проблема состояния и тенденции развития механизмов социальной динамики. Социум в различные периоды прошлого человечества интерпретировался на основе принципов: провиденциализма, циклического, линейного вектора исторического движения, в обществе же модерна на базе идей революционно-контрреволюционной деятельности и целенаправленной и насильственной трансформации общественной жизни с лозунгами о создании более прогрессивного социума. Термины «революция» и «контрреволюция» характеризовали существование общества в столкновении классов, социальных групп, в противоборстве «за» и «против» сущностных изменений общественной жизни. В современную эпоху возникло стойкое неприятие и революции и контрреволюции в традиционной форме, через насилие, разрушение существующего миропорядка. В различных странах, условиях возникли идеи и представления, социальные движения на базе отрицания позитивности революции и контрреволюции. В исследованиях проблем социальной динамики стали использовать наряду с понятиями «революция» и «контрреволюция» термин «антиреволюция». В настоящее время появилась необходимость анализа соотношения понятий «революция» и «антиреволюция». В статье предпринята попытка выявить перспективность использования понятия «антиреволюция» для анализа социальных трансформаций. Рассмотрены существующие интерпретации феномена «антиреволюция», выявлен социально-философский смысл понятия.

Ключевые слова: социальная динамика, божественное провидение, эволюция, классовая

борьба, социальная трансформация, революция, контрреволюция, антиреволюция.

The article deals with the problem of the state and development trends of the mechanisms of social dynamics. Society, in different periods of the past of mankind, was interpreted on the basis of the principles: providentialism, cyclical, linear vector of historical movement, in modern society on the basis of the ideas of revolutionary counter-revolutionary activity and purposeful and violent transformation of public life with slogans about creating a more progressive society. The terms «revolution» and «counter-revolution» characterized the existence of society in the clash of classes, social groups, in the confrontation between «for» and «against» essential changes in social life. Nowadays, a persistent rejection has arisen both of revolution and counter-revolution in the traditional form, through violence, the destruction of the existing world order. In various countries, conditions, ideas and perceptions, social movements based on the denial of the positivity of the revolution and counter-revolution have arisen. In studies of the problems of social dynamics, the term anti-revolution began to be used along with the concepts of revolution and counter-revolution. Nowadays there is a need to analyze the correlation between the concepts of revolution and anti-revolution. The article attempts to reveal the prospects of using the concept of «anti-revolution» for the analysis of social transformations. Existing interpretations of the phenomenon of anti-revolution are considered, the social and philosophical meaning of the concept is analyzed.

Key words: social dynamics, divine providence, evolution, class struggle, social transformation, revolution, counter-revolution, anti-revolution.

доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВО Кабардино-Балкарский ГАУ, г. Нальчик

Тел.: 8 928 703 94 39

Kuchukova Zhaneta Magometovna –

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History and Philosophy of the FSBE HE Kabardino-Balkarian SAU, Nalchik

Tel.: 8 928 703 94 39

Введение. Идея революции возникла на базе концепций естественных прав человека и общественного договора, где было дано определенное понимание параметров становления и развития социума. Феномен революции воспринимается как момент самодетельного существования человека и общества. Событийно, это процесс целенаправленной транс-формации социума в стремлении к созданию более совершенного социального организма. К такому самосознанию человек приходит не вдруг, это феномен последних трех веков. Свою относительно завершённую форму идея революции принимает в рамках исторического материализма (социальной философии марксизма). В то же время, при всей насыщенности смыслами и идеями, отражающими содержание конкретной социальности, сформулированный образ революции односторонен. Содержание марксистского концепта революции определяется понятиями, выражающими сформулированные цели революции (социалистическая революция, диктатура пролетариата, коммунистическое общество и др.). И здесь надо зафиксировать суждение, которое в своем содержании носит константный характер. Это признание невозможности создания универсальной теории революции. В политическом сознании европейских стран сосуществовали конкурирующие образы революции. Как правило, образы разных типов революций создавались в контексте популярных политических идеологий. При сохранении базисной идеи революции, каждый тип предполагаемого социального перестроения имел свои задачи и цели, смыслы и лозунги. Революции, по своей сущности, носят глубоко темпоральный характер и одновременно, при реализации целей, принимают этнические и цивилизационные формы.

Ход исследования. На рубеже веков, когда мир находился в состоянии эйфории от

перспектив создания глобальной планетарной общности, одновременно возникли и теории, где были даны различные схемы, механизмы социальной динамики. Возникли иные, с противоположным социальным содержанием, концепции революционного переустройства социума. Новые подходы к оценке революционных целей, идеологии в целом получили такое же право на существование, как и точка зрения сторонников традиционных образов революции. Своеобразием переходной эпохи, каким без сомнения является эпоха глобализации, стало появление нового типа концепции социокультурного процесса, динамики социума. Особенности идеи и практики реализуемых трансформации позволили использовать для определения феномена термин «антиреволюция». Сам процесс глобализации проявился в неожиданных формах, в том числе и веером «цветных» революций. И это в условиях, когда в общественном сознании образ революции превратился в исчезающий миф. От идеи революции отказались не только в развитых странах Запада, но и в странах бывшего третьего мира. Наряду с этим, одним из заметных примет времени стало формирование сознания с идеей возможности и надобности целенаправленного совершенствования общественной жизни, развития социальности. Формируется субъектное самосознание в границах государственных образований, этнонациональных и конфессиональных общностей с идеей достижимости более справедливых и оптимальных форм организации общественной жизни. Особенностью новой революционной идеологии стала её антиреволюционная направленность. По предлагаемым рецептам с требованием кардинальных трансформаций базовых принципов структурирования социальности – это проект революции. Но одновременно это отрицание позитивности революций, её необходимого характера. В эпоху глобализации создается

парадоксальное своим содержанием идеология революционных трансформаций, в которой социальная революционность и принимается как необходимость и отвергается как нечто порочное и асоциальное явление. К. Лукас, английский социолог в 1985г. пришел к выводу о возможности использования термина «антиреволюция» для определения подобного явления в общественной жизни. К. Лукас отмечал, что возможно такое введение понятия «с целью разграничения менталитета протеста с идеологией контрреволюции, заметно различавшихся по форме, содержанию и социальному составу участников» [1]. Идея была подхвачена французским историком К. Мазориком [2]. В отечественном общественном сознании, в том числе и на уровне публицистики это понятие использовалось наряду с понятиями, определяющими социальную динамику, политические процессы. На социально-философском уровне интерпретацию и определение понятия «антиреволюция» осуществил профессор Кентского университета Ричард Саква. Р. Саква на основе исследования политических процессов 1989-1991 годов в Восточной Европе сделал вывод, что это были не контрреволюции, а скорее антиреволюции и при этом сослался на следующие обстоятельства: во-первых, эти выступления были направлены против конкретных в каждой стране революций, которые произошли в первой половине 20-го века и, во-вторых, они полностью отказались от оценки революции как освободительного акта, и от представления о восстаниях как способе создания более совершенного социума. Р. Саква также пришел к общему выводу что «Завершение революций в России и в странах Восточной Европе знаменует собой окончание «просветительного революционизма» как формы политического действия во всей его полноте» [3]. В социальной философии сложилась традиция исследования революции в соотнесении с контрреволюцией. Феномен такого явления как антиреволюция оставался без внимания. Объясняется такое отношение тем, что в последнее столетие политические процессы в мире были завязаны на ожесточенной борьбе революции и контрреволюции, а антиреволюционность оставалась в тени. Антиреволюция определяет своей целью трансформирование

общественной жизни иными средствами, не отрицая в тоже время разумности и желательности регрессивных перемен. О необходимости введения в социальную философию понятия «антиреволюция» пишет Г.А. Завалько: «Для регрессивного развития, аналогичных, устоявшихся терминов нет, однако необходимость в них несомненна. И в истории отдельных обществ, и в истории человечества в целом есть периоды регресса, называемые обычно инволюцией, деградацией или упадком, качественного скачка вниз – регрессивного социального переворота, который я буду называть антиреволюцией» [4].

Антиреволюция как явление социальной динамики, где наблюдаются социальные изменения, затрагивающие базовые элементы социальности и при этом осуществляется некий возврат к прежним ценностям более явно проявился в последние десятилетия. Антиреволюцией явился феномен, так называемой, «августовской революции» 1991 года. В результате, в России, последовало восстановление, реставрация прерванных революцией 1917 года тенденций развития, а так же общепризнанные нормы человеческого общежития, характерные для современного этапа общественного развития. Тем самым Россия оказалась в ряду многих стран, которые в результате антиреволюций лишались одного общественного уклада и переходили к новым общественным отношениям, тогда как контрреволюция представляет из себя реставрацию старых порядков.

Ш. Эйзенштадт – социолог, специалист по сравнительному изучению цивилизаций изложил социально-философскую интерпретацию природы антиреволюции. Он исследовал условия, в которых возникает революционное движение и происходят революции, и пришел к выводу о многозначности феномена революции. Он указывает на многочисленные факторы способные привести страну и к бурному социальному развитию и точно также и к распаду и состоянию стагнации [5].

Эти идеи Ш. Эйзенштадта подтверждаются событиями 90-х годов в евразийских странах, где вместо ожидаемого социального совершенства получили застой и загнивание завершившегося распадом СССР. Обещания великой пролетарской революции оказались мифотворчеством. Да, и как стало

понятным впоследствии: под громким козырянием о пролетарской революции скрывался самый настоящий захват власти авантюристами страны, объединёнными идеей возможности всевластия и господства при сложившихся в стране условиях.

Анализ содержания понятия позволяет утверждать, что антиреволюция, будучи принципиальным отрицанием вооруженного захвата власти, не имеет ничего общего с эволюционным развитием. Расчет на эволюционное формирование общества означает признание невмешательства любых социальных субъектов в естественно-историческое развитие социума. Расчет на эволюционное развитие не допускает целенаправленного участия в этих процессах, партии, организации, политиков и т.д. Но направление, которое определяется «антиреволюцией», никогда не стремилось полностью отступить от влияния на общественные события, экономику и политику. Антиреволюция не отрицает в принципе и управленческую активность и политическую деятельность. Такое поведение и общественная жизнь должны быть реформаторской, но не революционно-насильственной. Термин «антиреволюция» применим потому, что социальные трансформации никогда не являются единым очищающим потоком, т.к. складываются из многих разнонаправленных движений и акций, коренящихся в социальной неоднородности общества. Наряду со способами производства, составляющими ядро формаций, существуют параформационные способы производства, не олицетворяющие стадии всемирной истории. В одну группу параформаций входят виды обществ, существовавших в прошлом в Латинской Америке. Цивилизации Латинской Америки, несомненно, были движимы определенными способами производства, но те не олицетворяли парадигму цивилизации. Они существовали сами по себе вне преемственности, т.к. не имели общих цивилизационных истоков и не оказывали влияния на дальнейшее развитие общества после колонизации Америки. Они существовали сами по себе вне преемственности, т.к. не имели общих цивилизационных истоков и не оказывали влияния на дальнейшее развитие общества после колонизации Америки. В социально-

философской литературе сложилась классификация параформаций, которые дополняют картину всемирной истории [6].

Интерес вызывает то, что идеи антиреволюции стали в начале XX вв. базовыми в социально-политической, русской философии. На «философском пароходе» из революции уплыли около трех тысяч интеллигентов, но значительно большая их часть приняла идеалы революции и стала служить реализации ее образа в общественном и народном сознании. Российская интеллигенция начала XX века была уверена, что она критикуя идейные основы революции создадут модель изменения социума, где изменения коснутся реконструкции общественного сознания, но не общества в целом. «Люди, соединившиеся здесь для общего дела, – писал в предисловии к сборнику «Вехи» М. Гершензон, – частью далеко расходятся между собою как в основных вопросах «веры», так и в своих практических пожеланиях, но в этом общем деле у них нет разногласий» [7]. Следовательно, их общей платформой являлось признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития, в том значении, что внутренняя жизнь личности является единственной творческой силой человеческого бытия и что она, а не самодовольное начало экономического или политического порядка является единственным базисом, формирующим образ революционного сознания. «Мы не душим прошлого, – отмечал М. Гершензон, потому, что нам ясны его историческая неизбежность, но мы указываем, что путь, которым до сих пор шло общество, привел его в безвыходный тупик» [8]. Такой вывод был сделан на опыте русской революции. Объединенные идеями «Вех», русская философия выразила не контрреволюционное, а антиреволюционное понимание смысла русской революции, непредсказуемых последствий.

Основные идеи русской религиозной философии, казавшиеся бесплодными для современников, спустя столетие стали востребованы на высшем уровне организации общества – государства, которое в условиях провозглашенной деидеологизации политической жизни, нашло себе

естественного союзника в лице религии и церкви. Оказалось, что то, что называли реакцией и контрреволюцией русская интеллигенция попыталась представить альтернативу образу пролетарской революции, как прологу мировой революции. Идеологи русской антиреволюции П.Б. Струве, Л.С. Франк, С.Н. Булгаков и др. допускали, что ряд лозунгов революционных социал-демократов, таких как передел земли, национализация промышленности и торговли, доступность государственной службы и т.д. могут быть реализованы, т.к. не затрагивают глубинной сущности смысла человеческого существования. Но такие замыслы как установление равенства, братства, справедливости, нравственности, культуры и т.д. натолкнулись на нравственное несовершенство человека и его правовой нигилизм. Без решения этих проблем образ революции утрачивает свою привлекательность, т.к. первую группу преобразований способен решить любой демократический строй, что особенно наглядно подтверждается практикой современных социальных государств, в которых о революции не мечтают даже безработные. Их воодушевляет не образ революции, а приобретение статуса, который дает право на социальную поддержку от государства, на материальные блага, обеспечивающие им средние стандарты жизни.

Результаты исследования. В философии немало примеров, как социальной утопии, так и антиутопии, революций и антиреволюций. Эти феномены отражают одну и ту же социальную действительность, но только с разных точек зрения: религиозных, классовых, национальных, культурных, политических и т.д. Следовательно, они не могут содержать знания не от мира сего, т.к. сознание человека есть субъективный образ объективного мира. Монополией на обладание объективной истиной не располагает ни одно идейно-философское течение или школа, т.к. достижение истины возможно на пути изучения как материи, так и сознания. Ф. Энгельс в свое время писал, что к простейшим и абсолютным истинам относятся, прежде всего, продукты разума: постулаты, аксиомы, реально зафиксированные факты и т.д. Поэтому в

философских построениях относительность всегда признается атрибутивным качеством материи. В известном смысле пессимизм, экклезиаста имеет философское оправдание, тем более имеет оправдание антиреволюция, как право на иное видение революционных событий.

Ведущую причину отрицания революционности, как метода кардинального перестроения социума, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк усматривали в том, что русская цивилизационная модель не принимает идей запада и потому в России более отсталый капитализм. Отсюда их идеологии о ненужности революции и необходимости совершенствования общественной жизни на основе укрепления основ российской цивилизации. Из этого вытекают их убеждения в ненужности революции как варварской формы прогресса, способной только помешать успеху быстрого развития капитализма в России. Так, например, П.Б. Струве, начинавший на поприще легального марксизма, в условиях революционного подъема в России, пришел к выводу, что марксова теория социального развития соответствовала только своей эпохе и что теория революции в XX веке не имеет никакой научной ценности, а неизбежность революции стала догмой, т.к. базировалась на отвлеченных рассуждениях Гегеля о природе диалектических скачков. Поскольку они являлись только конструктивными элементами его философской системы, перенесение их в реальность привело к искажению эволюционной картины природы и общества, основанных на непрерывном развитии.

Выводы. Революции, как исключительно политическому насильственному перевороту, необходимо противопоставить реформу как способ постепенного поступательного развития, считал П.Б. Струве. Ничто в общественной жизни не требует перерыва постепенности в форме скачка или революционного переворота, т.к. все социальные процессы основаны на преемственности и прибавлении новых ценностей к уже достигнутым. Неопровержимым примером преемственности в развитии является накопление знаний на пути достижения абсолютной истины, где никакие революции

не заменят перехода количественного изменения в качественное, который не нуждается ни в переворотах, ни в революциях, представляя в итоге накопление знаний. Немалые достижения в научном познании, как правило, являются итогом многих открытий и выступают результатом

развития всего научного направления. Этот процесс нельзя заменить революциями или энтузиазмом. Понятие «антиреволюция» может служить основой более глубокого понимания социальной динамики, трансформационных процессов как в прошлом так и в настоящем.

Литература

1. *Мягкова Е.М.* Непостижимая Вандея: государство и власть в политическом пространстве сельского общества // Французский ежегодник. – М., 2003. – С. 32.
2. *Мягкова Е.М.* Непостижимая Вандея: государство и власть в политическом пространстве сельского общества // Французский ежегодник. – М., 2003. – С. 32.
3. Саква Р. Конец эпохи революции: Антиреволюционные революции 1989-1991 годов // Полис. – 1998. – №3.
4. *Завалько Г.А.* Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2005. – С. 229.
5. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
6. *Семенов Ю.И.* Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. – М., 2003.
7. Вехи // Сб. статей о русской интеллигенции. – 3-е изд. – М., 1909. – С. 2.
8. Вехи // Сб. статей о русской интеллигенции. – 3-е изд. – М., 1909. – С. 5.

References

1. *Myagkova E.M.* Nepostizhimaya Vandeya: gosudarstvo i vlast' v politicheskom prostranstve sel'skogo obshchestva // Francuzskij ezhegodnik. – М., 2003. – С. 32.
2. *Myagkova E.M.* Nepostizhimaya Vandeya: gosudarstvo i vlast' v politicheskom prostranstve sel'skogo obshchestva // Francuzskij ezhegodnik. – М., 2003. – С. 32.
3. *Sakva R.* Konec epohi revolyucii: Antirevolucionnyye revolyucii 1989-1991godov // «Polis». – 1998. – № 3.
4. *Zaval'ko G.A.* Ponyatie «revolyuciya» v filosofii i obshchestvennyh naukah: problemy,

idei, koncepcii. Izd. 2-e, ispr. i dop. – М., 2005. – С. 229.

5. *Ejzenshtadt Sh.* Revolyuciya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij. – М.: Aspekt Press, 1999. – 416 s.

6. *Semenov Y.I.* Filosofiya istorii. Obshchaya teoriya, osnovnye problemy, idei i koncepcii ot drevnosti do nashih dnei. – М., 2003.

7. Vekhi // Sb. statej o russkoj intelligencii. – 3-e izd. – М., 1909. – С. 2.

8. Vekhi // Sb. statej o russkoj intelligencii. – 3-e izd. – М., 1909. – С. 5.

